

Александр Васильевич Подопригора
кандидат политических наук,
старший научный сотрудник
Научно-образовательного центра
Института экономики УрО РАН
и Челябинского государственного университета,
г. Челябинск, Россия. E-mail: agora821@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ГОЛЕМА: ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

В рамках синергетического подхода, социокультурного анализа и теории систем рассматриваются генезис и функции российской коррупции как значимого социального института, его ключевые символические практики и политические риски, а также вероятные сценарии трансформации и изживания этого феномена в условиях постиндустриального информационного (цифрового) общества.

Дается определение российской коррупции (в едином комплексе с *борьбой за ее искоренение*) как института квазисловесного рентного общества, который обеспечивает неправомерное распределение и передел существенной части сырьевой и административной ренты, а также изъятие ресурсов общественного развития в целях консервации неконкурентной (квазирыночной) социальной среды, что гарантирует сохранение монопольного статуса, среды обитания, доходов и обновление правящего слоя (*голема* Русской Власти как системы искусственного интеллекта).

Делается вывод о том, что вопрос о судьбе коррупции в России сводится сегодня не к интенсивности символических практик ее «искоренения» полицейскими методами, либеральным или государственным модернизациям (как «сверху», так и «снизу»), а к повестке более глубокой интеграции РФ в систему сложившихся в развитых странах постиндустриального мира институтов – культурных, правовых, политических и этических норм, стимулирующих развитие конкуренции и социальной коммуникации, эффективных способов обработки данных и потоков информации, рост технологических новаций. При этом суть дела заключается не в полноте заимствования институтов развитых постиндустриальных обществ, а в понимании безальтернативности их адаптации, поскольку адекватность институциональной архитектуры этосу и технологическим платформам глобальной цифровой сети является сегодня главным фактором, определяющим морфологию, статус и перспективы того или иного социума. На постижение этой безальтернативности работает сейчас

мощная синергия радикальных изменений внешней среды, носящих императивный характер, а также внутренних процессов самоорганизации, идущих в российском обществе.

Ключевые слова: коррупция, постиндустриальное цифровое общество, модернизация, рента, големы, информационные системы, сословия, социальные институты, сети, самоорганизация.

Коррупция в России как институт квазисословного общества. Ранее вышедшие в Екатеринбурге сборники научных трудов по изучению феномена российской коррупции, подготовленные Институтом философии и права УрО РАН (Актуальные проблемы... 2014, Актуальные проблемы... 2016), обозначили доминирующую сегодня среди специалистов (по крайней мере, уральской школы социальной философии) точку зрения на российскую коррупцию как явление институционального характера, а не исключительно социальную патологию, «злоупотребление властью» и «порчу» общества (такие представления восходят к не вполне корректным толкованиям исходного значения слова «коррупция», имеющего латинские корни, и определений западной политико-правовой культуры)¹. М. Ильченко справедливо замечает, что в политической науке «уже давно сложилась традиция рассмотрения коррупции в качестве неформального института, способного оказывать существенное влияние на ход общественного развития. Вместе с тем исследования, в которых коррупция анализируется как механизм воспроизводства политической системы, по-прежнему являются довольно редкими», при том что в современной России коррупция «не просто институт, а несущая конструкция всей политической системы страны» (Ильченко 2014: 86, 91). Ю. Ершов подчеркивает, что «коррупция в авторитарных режимах способствует самосохранению политического режима на длительный период, становясь институтом, выгодным политическим элитам» (Ершов 2016: 27).

¹ Ю. Нисневич приводит в качестве наиболее общего определения коррупции в публичной сфере формулировку, предложенную Дж. Сентуриа: «Коррупция – это злоупотребление публичной властью для частной выгоды». Расширенная интерпретация этого определения, охватывающая не только публичную, но и частную сферу, используется международным движением против коррупции «Трансперенси Интернешнл»: «Коррупция – это злоупотребление *вверенной* властью для частной выгоды» (Нисневич 2017: 16).

В этом смысле признание коррупции (равно как и «борьбы» с ней, ибо это единый комплекс смыслов, политических ритуалов и символических практик) важным институтом современного российского общества есть отправная точка исследования содержания данного понятия и судьбы данного института в переживаемую эпоху значительных социальных трансформаций, связанных с доминированием информационных технологий и сетей цифровых коммуникаций, также выявляющих сегодня свою институциональную природу.

Ф. Фукуяма, вслед за С. Хаттингтоном, определяет институты как «устойчивые, значимые и воспроизводящиеся модели поведения, которые существуют вне рамок индивидуальных действий государственных лидеров» (Фукуяма 2017: 13). Такая трактовка в целом принимается и российскими исследователями: «социальный институт – это исторически сложившаяся или созданная целенаправленными усилиями форма организации совместной жизнедеятельности людей, существование которой диктуется необходимостью удовлетворения социальных, экономических, политических, культурных или иных потребностей общества в целом или его части» (Луньков 2014: 217).

Следует отметить, что интерпретация коррупции как важного общественного института (не свойственная, в общем смысле, западной науке) во многом «переворачивает» постановку проблемы, принятую в официальном российском политическом дискурсе: бороться с социальным институтом полицейскими средствами не продуктивно, институты воспроизводятся, пока общество испытывает в них нужду, а сами они исполняют регулирующие функции и решают задачи воспроизводства социально-политической системы. Зато становится необходимым «понять, почему коррупционные практики в состоянии оказываться эффективным механизмом регулирования всей системы государственного управления, способным обеспечивать не только устойчивость политического режима, но и нередко его экономические успехи» (Ильченко 2014: 87).

В. Мартьянов, отвечая на этот вопрос, полагает, что коррупция – есть базовый способ «существования *естественного* государства в условиях значимого расхождения формальных, декларируемых институтов и их функций с фактическими целями и полномочиями субъектов, действующих в данном

правовом поле от имени государства» (Мартьянов 2016: 35), а потому она не подвластна в своих наиболее серьезных формах естественному (а не модерному) государству, каковым является РФ. Такая точка зрения корреспондирует с позицией Ф. Фукуямы, который подчеркивает, что коррупция как присвоение государственных ресурсов для частной выгоды «могла возникнуть только в современном (или, по крайней мере, в модернизируемом) обществе, поскольку данное определение различает государственное и частное» (Фукуяма 2017: 100), что «естественному» государству в целом не свойственно.

В. Скоробогачкий также подчеркивает «архаичные» черты нынешней российской власти, видя суть этой архаизации в том, что она легализует и узаконивает на уровне обычаев и нравов теневое и криминальное – это совершается «параллельно с превращением негражданского общества в подвластное население, обязанное платить дань вождю и его слугам (должностным лицам)». «Превращаясь в дань, в собираемое князем и дружиной *полюдье*, взятка перестает быть нарушением норм морали и права. Теперь это законная добыча властвующего, вещный результат реализации властного отношения. Иными словами, властное отношение в современных условиях осуществляется в форме коррупции, и последняя есть фактическое удостоверение действительности и действительности власти» (Скоробогачкий 2002: 237).

В любом случае, если коррупционные практики являются реализацией некоей ключевой социальной нормы, главный вопрос следует, по нашему мнению, уточнить или переформулировать: какая общественно-политическая модель востребует институт коррупции именно в качестве нормы и инструмента саморегулирования? И, далее, какие системообразующие функции на деле исполняет этот институт? В какой информационной среде (культурной, экономической и политической) то, что мы называем коррупцией, процветает и почему эта среда может измениться, отменяя потребность в институциональной коррупции в новых условиях?

По большому счету, на данные вопросы дал фундаментальный ответ уже «первый политолог» Аристотель, когда, с одной стороны, заметил, что «самое главное при всяком государственном строе – это посредством законов и остального

распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам не-возможно было наживаться», а с другой – дал характеристику единственно *правильного* государственного устройства, делающего возможным успешное изживание коррупции: «...только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными: имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общество свободных людей» (Аристотель 2015: 164, 84).

Говоря иначе, государство, реализующее власть немногих в интересах этих немногих, есть по определению институционально коррумпированное, «неправильное» государство – это было ясно уже 2,5 тысячи лет назад¹. Проблема заключается в том, что «неправильные» институты оказались чрезвычайно живучими в самых разных исторических условиях; это заставляет внимательнее присматриваться к деталям данных социальных конструкций и обстоятельствам, настойчиво их востребующим либо делающим их маргинальными. Россия дает здесь обильный материал для исследователей.

С. Кордонский объясняет социальную роль коррупции словным (или гибридным, сословно-классовым) характером российского общества, для которого она не нарушение норм, а сама норма – вид сословной ренты. Поэтому термин «коррупция» здесь в принципе неприменим, так как *собственно коррупция* – «феномен рыночный и характерный для классового общества, в котором общество отделено от государства»; «сословная рента интегрирует сословия в целостность сословного общественно-государственного устройства и функционально необходима. В сословном обществе такая рента неизбежна, тем более в таком обществе, какое сейчас формируется в России» (Кордонский 2008: 89).

С аналитической ценностью такого подхода нельзя не согласиться, однако с существенными оговорками. Прежде всего, сословия в России никак не оформлены по своим статусам

¹ В этом смысле характерно замечание Гегеля о том, что «плохое государство есть неистинное государство», так как «плохое и неистинное вообще состоит в противоречии между определением и понятием и существованием предмета» (Гегель 1974: 126).

(тогда как статус – фиксированный комплекс обязанностей, прав и привилегий – «сердце» сословного общества) и мы едва ли можем ожидать подобной регламентации в условиях становления динамичного информационного общества с его размытой, фрагментированной и гибкой социальной структурой (при том, что она также, но уже на иной базе и ином уровне развития ближе к модернизированному формату сословной, нежели классовой структуры). Вернуться в Средние века, конечно, многим в России хотелось бы, но мы по факту живем в многоукладном сетевом постиндустриальном мире. Вместе с тем, поскольку этот мир крайне неоднороден, в нем всегда находится «экологическая ниша» для социальной архаики, но уже в ее превращенных, постмодерных форматах, обслуживающих индустриальные «хвосты» центров постиндустриального мира, в частности потребности в углеводородном и другом сырье. Поэтому в отношении социальной морфологии РФ мы, скорее, должны говорить о подвижных по составу квазисословных патримониального государства, формальный статус которых не фиксируется еще и потому, что ни одно из них не может претендовать на полноту прав власти и собственности, ибо эта роль закреплена за совокупным «искусственным интеллектом» власти, олицетворенным выдвинутым им авторитарным правителем. Статусы и права даются и отбираются в подобной системе в режиме реального времени, причем инструменты цифрового общества оказываются здесь вполне к месту. Но вне строгой иерархии в отношении власти, собственности и статуса сословное общество как таковое невозможно.

Кроме того, как представляется, требуется все же более полно уяснить специфику квазисословного общества РФ, которая, с одной стороны, активно востребует и фактически узаконивает коррупцию как форму сословной ренты, а с другой – определяет произвольную маркировку ее проявлений в качестве социальной патологии, обозначая постоянную борьбу за ее «искоренение» (что можно полагать ключевой «символической практикой», по К. Киселеву (Киселев 2016)), ставшую институциональным «реверсом» феномена российской коррупции. Следует оговорить, что указанный феномен свойственен, при всех различиях (так, если в Латинской Америке основными бенефициарами и источниками коррупции являются частный

бизнес и организованная преступность, то в России – высшая бюрократия), многим схожим сословно-рентным социальным системам – достаточно взглянуть на Венесуэлу, Нигерию, Никарагуа, Чили и ряд других стран (Костокрызов 2016).

Эта специфика России связана, на наш взгляд, с тем, что институт коррупции выполняет в отечественной социально-политической системе, сложившейся на многие века раньше появления современного государства и самого понятия коррупции (этот термин окончательно вошел в международный политический дискурс лишь в 90-е гг. XX в.), функции более существенные и принципиальные, нежели один из форматов изъятия и перераспределения сословной ренты. Подчеркнем также, что все вышесказанное делает очевидно непродуктивными сугубо правовой и статистический методы анализа феномена коррупции в России.

Мы предлагаем в данной работе объяснительную модель этого феномена, опираясь на социокультурную концепцию Русской Системы/Русской Власти историка Ю. Пивоварова, а также интерпретацию данных представлений как *голема* – особого информационного объекта (системы), вида искусственного интеллекта, имеющего собственные интересы, логику выживания, ресурсную базу и институциональные инструменты (Подопригора 2018с), среди которых коррупция (как и «борьба» с ней) является одной из наиболее важных символических практик.

Голем Русской Власти и институциональная коррупция. Ю. Пивоваров выдвинул впечатляющую концепцию русской истории, где *единственным* значимым субъектом социума (Русской Системы) начиная с ордынских времен является Русская Власть «в ее метафизическом облике» как «особый субъект исторического развития – наряду с античным полисом, индийской кастой, китайским кланом» и т.д. (Пивоваров, Фурсов 1999: 182). Она, в силу этой моносубъектности, движет социум в цикле «закрепощение – освобождение – обвал – закрепощение» в соответствии с логикой сокращения и возобновления «вещественной субстанции» общества как ресурса собственно кормления.

Особенно важно то, что избыток этого ресурса для Системы опаснее его недостатка, так как ведет через обогащение населения к социальной мобилизации и требованиям политического

участия; это неизбежно данную моносубъектность и основанную на ней монополию правящих сословий подтачивает и разрушает, подготавливая *обвал*, который обусловлен тотальным одиночеством Власти – других скреп у общества просто нет. «Условием нормального существования Русской Системы необходимо признать наличие точной пропорции между объемом вещественной субстанции и способностью самой системы к ее перемолоту-переделу, – пишет Ю. Пивоваров. – Преодоление скудости вещественной субстанции, создание ее некоторого избытка, с одной стороны, и возникновение дефицита этой субстанции в особо крупных размерах – с другой, подрывают основы Системы. То есть и в скудости необходима мера» (Пивоваров, Фурсов 1999: 192). Этот момент подчеркивает и С. Кордонский: «Россия была и остается ресурсным государством, в котором ресурсы не преумножаются, а распределяются – делятся между сословиями. Приращение ресурсов осуществляется за счет “расширения ресурсной базы”, а не за счет производящей товары деятельности и оборота капитала» (Кордонский 2008: 37).

Говоря иначе, Русская Система предполагает наличие «встроенных механизмов» ограничения развития и роста благосостояния общества. Разумеется, консервация развития не действует на уровне сознательных тактик или злой воли представителей государства – особенно сегодня. Члены правительства – вполне адекватные люди, совсем не похожие на опричников. Каждый из них был бы шокирован, услышав, что в целях сохранения власти препятствует росту достатка населения. Напротив, эти люди регулярно подготавливают и предлагают массу конкретных мер и комплексных планов развития страны и даже реформ, но ничего не срабатывает. Так организм больного отторгает пищу, хотя сердобольное окружение убеждает, что кушать нужно и даже точно знает, какую именно диету употреблять (не отказывая себе при этом в устрицах приватно).

Как же тогда реализуется эта неумолимая цикличность нагуливания населением жирка с последующим спусканием шкур? П. Лазарчук и А. Лелик еще в конце 80-х гг. в XX в. описали феномен российского административного *голема* – совокупного государственного аппарата (сегодня это понятие гораздо менее формализовано, включая в себя все отправляющие власть квазисословия) как системы искусственного интеллекта,

обладающей собственным поведением, которое определяется целями выживания, питания и роста (та самая Русская Власть). При этом голем стремится вовсе не к уничтожению возмущающих его стабильность элементов, а к «их транквилизации, и в итоге – к постепенному истощению у общества стимулов и возможностей для саморазвития» (Лазарчук, Лелик 1987), обеспечивая себе монопольное право распоряжения ресурсами социума. Голем не добр и не зол, он «просто хочет жить», а общество рассматривает исключительно как среду обитания и прокорма.

Можно сказать, что уникально одинокий в силу своей монособъектности российский властный голем питается избыточными (с его точки зрения) доходами населения и бизнеса, но видит в их неконтролируемом росте прямую угрозу своей жизни. А потому до тех пор, пока его возможности ничем не ограничены, расти эти доходы сверх некоего уровня («меры скудости», по Пивоварову) просто не могут: скорее, голем станет пожирать само население, остановившись лишь у последней черты, за которой – утрата собственной кормовой базы. Такое не раз случалось в российской истории. И сегодня цель политики правительства не развитие, а пресловутая «макроэкономическая стабильность», когда богатства общества в лучшем случае изымаются и складываются в кубышку, чтобы голем сумел пережить совсем уж голодные времена, тогда как экономика все больше утверждает в перманентной рецессии, а социум – в деградации. Международные санкции обостряют страх голема перед опустошением кубышки, заставляя его активнее отбирать корм у населения (см. сюжеты последнего времени: пенсионная реформа и тарифы ЖКХ, НДС и «Платон», новые акцизы и оброк на большой бизнес, управляемая девальвация рубля и т.д.). Очень разным слоям общества (в основном «тягловым» квазисословиям, но не только им) это все меньше нравится.

Однако мы возвращаемся к предмету нашего исследования – российской коррупции. Именно она (а также «борьба» с ней) выступает в качестве социального института, обеспечивающего не только изъятие и перераспределение сословной ренты в интересах Русской Власти в лице властных и служилых квазисословий патримониального государства, но и соблюдение «мерь скудости» социума через консервацию развития,

которое угрожает эту «меру» превзойти, формируя риски для среды обитания этого голема.

Действительно, рост экономики и реальных доходов населения ведет к расширению рынков, что, как известно со времен А. Смита, стимулирует новый виток развития социума. При этом «большие рынки, которые закладывают основу экономического роста и эффективности, требуют последовательных, предсказуемых и неукоснительно соблюдаемых правил» (Фукуяма 2017: 607). Здесь Русская Власть попадает в институциональную «ловушку» – рост экономики декларируется в качестве необходимого, однако опознается на уровне коллективного бессознательного голема как угроза, поскольку ведет к социальной мобилизации, требованиям политического участия, созданию работающих институтов модерного общества – классовой структуры, верховенства закона, политической конкуренции, представительства, подотчетного правительства. Выход голем находит в «неформальном» институте коррупции, которая позволяет «стерилизовать» излишки доходов общества, сохраняя его полную зависимость от государства и не поступаясь при этом символическими практиками «стимулирования экономического роста», которые на деле оборачиваются коррупционно емкими «мегапроектами», обогащающими правящее квазисословие и увеличивающими ресурс голема за счет снижения динамики и сокращения «вещественного ресурса» социума.

Коррупция препятствует развитию конкуренции во всех сферах жизни общества, умножая расходы издержки, риски и неопределенность, поощряя неэффективные и затратные проекты (преимущественно нужные лишь для перевода бюджетных средств в частные, что является сейчас доминирующим коррупционным форматом в РФ) за счет маргинализации эффективных и высококонкурентных, угнетает рыночные секторы в угоду государственным и квазигосударственным («мегапроекты», вооружение, рост аппарата и служилых сословий с пенсионными и иными привилегиями, разнообразные госкорпорации, МУПы, ГУПы и проч.), сосредотачивая распоряжение ключевыми ресурсами в руках властных квазисословий, не заинтересованных в ликвидации своего монопольного положения на ведущих рынках – информационном, политическом, экономическом. Именно посредством коррупции как использования властных

полномочий в личных и корпоративных целях избыточные ресурсы общества, в ином случае стимулирующие рост эффективности экономики и самоорганизацию социума, формирование конкурентных рынков и социальной структуры современного общества, изымаются големом Русской Власти (прежде это делалось посредством прямого насилия – репрессий, разнобразных форматов «опричнины», национализаций и экспроприаций) и «стерилизуются», аккумулируясь, как правило, в параллельной «настоящей» рыночной реальности – зарубежных бизнес-проектах и недвижимости, иностранных банках, оффшорных компаниях и т.д. «Борьба с коррупцией» выполняет здесь функции инструмента перераспределения административной ренты и регулирования «нейронной сети» голема, становясь постмодерным аналогом идеологических «чисток» и репрессий советского периода, а также максимизации коррупционного выигрыша через дополнительное обложение своего рода «регрессивным налогом» всего общества, которое содержится в строго очерченных рамках «меры скудости».

Можно возразить: а как же «нулевые» годы, когда власть была не менее авторитарной и коррумпированной, но доходы населения и экономика в целом реально росли, причем довольно быстро? Тогда российскому голему действительно пришлось несладко, ведь обильная «подкормка» бизнеса и населения шла *помимо него* из открывшегося в 1990-е гг. глобального мира – через рост нефтегазовых доходов, торговлю и бурную самозанятость, дешевый западный кредит и инсталляции новых социальных стандартов. Однако он и тогда справился, направив львиную долю хлынувших в страну богатств на собственные нужды – на рост аппарата, мегапроекты, вооружение и личное потребление элит (посредством той же коррупции), а затем укрылся за спасительным занавесом «войны санкций», восставившем «меру скудости» в обществе.

В связи с вышесказанным мы предлагаем определение российской коррупции (в едином комплексе с *борьбой за ее искоренение*) как института квазисловного рентного общества, который обеспечивает неправомерное распределение и передел существенной части сырьевой и административной ренты, а также изъятие ресурсов общественного развития в целях консервации неконкурентной (квазирыночной) социальной среды,

что гарантирует монопольный статус, среду обитания, доходы и обновление правящего сословия (*голема* Русской Власти как системы искусственного интеллекта).

Следует отметить, что *големы* описанного рода – не российское изобретение, это информационные объекты, которые есть везде. Глобальными големами являются, например, финансовые рынки и международная бюрократия, корпорации, министерства и ведомства; в таком формате можно представить любую иерархически организованную систему (нейронную сеть), не сводимую к своей элементной базе. Однако конкурентная среда и работающие институты (там, где они есть) *программно* ограничивают их возможности и аппетиты. Именно они делают коррупцию внесистемным явлением, органично относит ее к сфере преступности, препятствующей естественному развитию общества, которое (а не его торможение) соответствует логике преуспевающего элит социума, где рынок и государство, бизнес и политика взаимосвязаны, но институционально разделены, что гарантирует конкуренцию и рост.

В России дело обстоит по-другому, государство и рынок не разделены, конкурентные секторы и квазисословная иерархия сосуществуют в режиме симбиоза, предопределяя жесткие противоречия и риски социально-политического развития. «Основная проблема отношений между классами и условиями в нашей стране заключается в том, что рынок для своего развития и расширения нуждается в минимизации изъятий с него государством, – пишет С. Кордонский. – В то же время сословная система в целом нуждается в максимизации изъятий, в беспредельном расширении государственного бюджета как ресурсной копилки. Объем изъятий, очевидно, имеет определенный предел, после которого рынок ужимается и возникают дефициты ресурсов, необходимых для распределения между сословиями. Появление дефицитов интерпретируется сословиями как сигнал к еще большему изъятию ресурсов с рынка, что чревато – в конечном счете – генерализацией дефицитов и очередной волной социальной нестабильности, в ходе которой может разрушиться вся система межсословных отношений. Применение массовых репрессий для консолидации ресурсов и для “борьбы с коррупцией”, конечно, вполне возможно, однако вряд ли оправдывает неизбежные политические издержки» (Кордонский 2008: 130).

Характерно, что акцентирование самой властью символической практики «борьбы с коррупцией» создает здесь не только институциональную, но и политическую «ловушку», выдвигая на первый план и легализуя общественные претензии к ней как глубоко коррумпированной. Подчеркнем: если в России и стоит опасаться рисков новой революции, то следует понимать, что она может иметь почти марксистскую повестку *классовой борьбы*: антисловную и антикоррупционную, с акцентом на справедливость в распределении ренты и прав между квазисословиями и перспективой превращения их в классы «нормального» общества модерна, адекватно представленные на политической сцене.

История дает основания разглядеть здесь фундаментальные риски. И. Яковенко и А. Музыкантский подчеркивают социально-психологическую особенность цикличности отношений общества и государства в России, видя здесь своего рода «манихейскую матрицу» отечественного общественного сознания. В силу того что власть традиционно является единственным значимым субъектом социума, все упования населения связываются исключительно с «сильным» государством. Однако на определенном этапе развертывания очередного масштабного кризиса, обусловленного истончением «вещественной субстанции» общества и его «оскудением» сверх меры, доверие к власти обрушивается – как правило, неожиданно и одновременно. Властный голем вдруг начинает представляться населению («популяции» у Пивоварова) средоточием зла и обмана, теперь уже единственным виновником всех его невзгод, превращаясь из метафизического Добра в метафизическую Тьму (Яковенко, Музыкантский 2011: 237). Но не потому, что государство дурно как монопольный и бесконтрольный институт, функции которого следует ограничить в пользу других субъектов гражданского общества, а потому, что оно представляется «захваченным» предателями, самозванцами и ворами («царь ненастоящий»). Упования на государство остаются, как и прежде, высокими, но *вдруг* становится очевидной необходимость «переучредить» его «с чистого листа», очистив от греха и измены. В этом смысле сегодняшняя повестка обличения совокупной «партии власти» как сборища «жуликов и воров» и антикоррупционные расследования А. Навального

продолжают многовековые традиции Русской Смуты. Именно в этом состоит политическая актуальность темы российской институциональной коррупции и институционального же ее изживания.

Более глубокая интеграция российского общества в метасистему постиндустриального информационного (цифрового) мира открывает здесь, как представляется, новые перспективы, ликвидируя метафизическое одиночество голема не революцией «снизу» или «сверху», а посредством его погружения в глобальные коммуникационные сети.

Интерактивное цифровое общество и институт коррупции. Специфика нынешней ситуации в контексте эволюции феномена российской коррупции заключается в том, что постиндустриальный информационный (цифровой) мир, основанный на электронных коммуникациях и IT-технологиях, радикально меняет контекст жизнедеятельности властных големов, погружая их, ранее относительно изолированные (часто почти полностью изолированные – см. времена «железного занавеса») информационные объекты, в императивные взаимодействия и конкуренцию с высокоэффективными големами глобальных рынков. Последние могут быть представлены в качестве метасистем, алгоритмы и паттерны которых выступают как аттракторы динамики операционально замкнутых систем национальных государств, их рынков и социальных структур. Это прямо связано с тем, что ключевой особенностью сети электронных коммуникаций как социальной инфраструктуры современного общества является ее универсальный *технологический* характер, который невозможно игнорировать ни бизнесу, ни власти; цифровая социальная сеть, в этом смысле, знаменует исчерпание ресурсов изоляционизма и иерархий (Подопригора 2018b: 11-12).

Это происходит потому, что коммуникация в социуме «все более плотно охватывается сетью *технических стандартов*, которые опосредуют все социальные взаимодействия и заключают их в специфический технологический каркас, который можно именовать сетевой моделью» (Болховский 2010). «Сетевая революция» меняет социальную топографию, ибо цифровая сеть – новая социальная среда – не отражает структуру общества, а формирует ее по математическим технологическим алго-

ритмам и стандартам в «неэвклидовой социальной геометрии» (Назарчук 2008: 74). Культурным символом и рабочей моделью этой геометрии стал Интернет (а следом – блокчейн) – «возникающая, изменяющаяся, развивающаяся информационно-коммуникативная структура современного общества», которая «осознается как процесс создания новой информационной реальности социума» (Болховский 2010).

Это открывает новую эпоху универсальных социальных стандартов, которые де-факто становятся техническими, а потому императивными для участников цифрового общества. В свое время стандартизированные механизмы правового регулирования (договорное право, право собственности и т.д.) утвердили капиталистические отношения и заложили основы индустриального общества. Теперь стандартизированные операции с интеллектуальной собственностью оказываются новой платформой регулирования и развития цифрового общества, в силу того что его главным ресурсом фактически являются идеи, проекты, коммуникации, информация как таковая.

Социальную систему развитого постиндустриального общества, немислимую сегодня без культуры и технологий Интернета и блокчейна (как индустриальное общество было немислимо без телеграфа, телефонии и СМИ), мы назвали *интерактивным обществом* в стадии цифровых коммуникаций, где эффективная обратная связь выступает важнейшим принципом и платформой социальной морфологии. Интерактивное цифровое общество – это и есть своего рода *социальный блокчейн*, децентрализованная (сетевая) система, обладающая памятью (электронным архивом); контакты, изменения и транзакции происходят и регистрируются здесь в режиме реального времени именно в силу интерактивного характера системы – постоянного прямого взаимодействия «пользователей» и «программ», минимизирующего роль коррумпированных посредников в лице административных иерархий и построенного на консенсус-алгоритмах (Подопригора 2017: 17).

Именно в этом контексте следует, на наш взгляд, рассматривать дальнейшую эволюцию и судьбу феномена коррупции – институционального инструмента выживания и адаптации к новым условиям функционирования рынков архаичного голема Русской Власти. Кажется, что накладываемые

им на развитие социума ограничения невозможно преодолеть вне того или иного катастрофического сценария, однако, как справедливо замечает А. Назаретян, «каждое объективное ограничение абсолютно в рамках более или менее замкнутой системы зависимостей, которая на поверку всегда оказывается фрагментом более общих причинных сетей бесконечно сложного мира. Решение любой инженерной задачи состоит в том, чтобы найти более объемную модель – “метасистему” по отношению к исходной. В более мощной информационной модели те параметры ситуации, которые прежде выступали в качестве неуправляемых констант, превращаются в управляемые переменные» (Назаретян 2004: 217).

В данном случае в качестве метасистемы выступает институциональная среда глобального постиндустриального мира, построенная на алгоритмах электронной коммуникации, потоках информации, институтах гражданского общества и правового государства. Практические последствия этого видны для российского социума, что называется, невооруженным взглядом: крупный бизнес РФ органично включен в глобальные рынки и пространство международного (по большей части – английского) права. Крупнейшие компании становятся публичными, их подразделения регистрируются и осуществляют транзакции за границей РФ, акции котируются на международных биржах; они держат валютные активы в иностранных банках, судятся между собой в лондонском суде, несут издержки от международных санкций, и, что для нас особенно важно, они, в лице своих собственников и высшего менеджмента (а это и есть современные российские бизнес-элиты, тесно сращенные с властным сословием), естественным образом *не прибегают к коррупционным практикам* в той, все более важной для них части своей деятельности, которая осуществляется за пределами страны, что радикально меняет их целеполагание, понимание собственных миссий и характер деятельности в целом.

Вопрос о судьбе коррупции в России, таким образом, сводится сегодня не к интенсивности символических практик ее «искоренения» полицейскими методами, либеральным или государственным модернизациям (как «сверху», так и «снизу»), а к повестке более глубокой интеграции РФ в систему сложившихся в развитых странах постиндустриального мира институ-

тов – культурных, правовых, политических и этических норм и практик, стимулирующих развитие конкуренции и социальной коммуникации, эффективных способов обработки данных и потоков информации, рост технологических новаций.

Разумеется, этот вопрос не столь прост и однозначен. В глобальном мире достаточно места для архаичных институтов, отсталых стран и коррумпированных режимов. Однако социальная морфология, статус и перспективы того или иного общества определяются теперь именно глубиной интеграции в институциональную архитектуру сетевого постиндустриального общества. Голем Русской Власти явно не готов сегодня к такому, угрожающему привычной среде его обитания и прокорма, развороту. Поэтому мы наблюдаем сейчас, с одной стороны, его отступление к автаркии¹, а с другой – амбивалентные попытки приспособить технологии и сети цифрового мира к нуждам собственного выживания и укрепления, желание воссоздаться в формате *криптократии* и «цифрового Паноптикона» (Подопригора 2018а), отслеживающего и контролирующего все и вся в стремящемся к саморазвитию и самоорганизации социуме (яркий пример – концепция «нооскопа» выдвинутая не так давно группой окололестных аналитиков, в составе которых был нынешний глава администрации Президента А. Вайно (Подопригора 2016).

В итоге многочисленные и весьма затратные программы «государственной цифровизации» социума (очередной коррупционный рынок) не дают пока адекватного результата, что является прямым следствием сопротивления административного голема – он не может эффективно реализовывать алгоритмы открытости, грозящие ему многочисленными рисками и сокращающие рынок коррупционных предложений. Так, в национальной госпрограмме «Цифровая экономика», на которую в 2018 г. правительство выделило 2,16 трлн руб., оказались не прописаны требования к переводу информации в электронный вид, не указаны форматы хранения информации, нет

¹ Показательна в этом смысле реанимация метафоры «острова Россия», о которой недавно вспомнил патриарх Кирилл: ведь конфликт с Константинополем вокруг украинской автокефалии – это драма фактического отречения РПЦ и всей «государственнической» идеологии РФ от своих византийских корней (что уже случилось во времена Василия Темного) и еще недавно центральной для национальной идентичности концепции Москвы как «третьего Рима».

стандартов электронного документооборота, отсутствуют регламенты. «Это значит, что на выходе мы можем получить технологичные системы, которые плохо “понимают” друг друга, а значит, в дальнейшем потребуются значительные средства на их переделку. Пока же ситуация такова: в “цифровой” России XXI в. пользуются правилами документооборота, созданными еще в СССР в середине прошлого века» (Золотова 2018).

Не случайно в докладе Всемирного банка «Конкуренция в цифровую эпоху» главными барьерами для фундаментальных технологических прорывов в РФ названы «структурные недостатки в экосистеме цифровой трансформации», ограниченный доступ к рынкам капитала и отсутствие «открытой инновационной культуры». По мнению аналитиков ВБ, ведущими целями цифровой стратегии должны стать стимулирование внедрения инноваций параллельно с укреплением «нецифровых основ» – повышением прозрачности и конкурентности бизнес-среды, гибким нормативным регулированием, расширением доступа к финансированию, а также рост эффективности управления за счет внедрения дата-ориентированного подхода, развитие цифровых навыков и выстраивание диалога между государством, бизнесом, научным сообществом и гражданами (Краснушкина 2018).

Все это – вполне естественные процессы и проблемы, так как на периферии, удаленной от центров рождения сетевых информационных импульсов и технологий (не только пространственно, а именно культурно и институционально), социальные процессы осложняются, поскольку инновации привносятся в иную (иерархическую и квазирыночную) институциональную среду, создавая фрагментированные социумы, живущие одновременно в разных социокультурных средах. Здесь формируются общества «ограниченного доступа» – *гибридные* системы социальной коммуникации и топологии сетей (к ним относятся и РФ), где институциональные сети обратной связи используются патримонильными элитами для вертикальной трансляции смыслов и контроля за обществом в целях сохранения политической монополии, а свобода, конкурентность и приватность коммуникаций существенно ограничиваются. Это часто приводит к «искривлению» информационного пространства, имея следствием неадекватные «отклики» и управленческие

реакции системы, потерю динамики социума. Коррупция выступает здесь инструментом «институционального сопротивления» Русской Системы «цифровой революции», которая, как и экономический рост, становится фиктивным приоритетом Власти, новой уловкой голема.

Перспективы таких социумов в глобальном сетевом мире теперь полностью зависят от того, насколько новые коммуникационные технологии будут адаптированы институциональной средой, отторгнуты ею или успешно изменят ее в процессе «цифровизации». Проблема заключается в том, что концепт постиндустриального сетевого общества не является аксиологически нейтральным и сугубо технократическим. Главными социальными ценностями, предопределившими рождение и развитие Интернета, а вместе с ним – всего современного сетевого общества, М. Кастельс называл свободу и открытость, чьи корни, в свою очередь, уходят в эпоху европейского Просвещения и далее в глубины античной истории. «Эта парадигма свободы имела под собой как технические, так и институциональные основания. Технически ее архитектура ни чем не ограниченной организации компьютерных сетей базировалась на протоколах, которые трактуют цензуру как техническую неполадку и просто обходят ее в глобальной сети, превращая контроль над последней в весьма трудную (если только вообще разрешимую) проблему. Это не какая-то особенность Интернета, это сам Интернет, каким он был произведен на свет его создателями» (Кастельс 2004: 198).

Будучи ключевым типом социальной коммуникации определенного социума, чьи институты стали теперь глобальными и сетевыми, Интернет и блокчейн эффективно работают лишь в синергии с адекватными общественными институтами. В противном случае цифровые потоки, скорее, служат «выключателем» устоявшихся норм (в том числе – коррупционных), дезорганизуя архаичные иерархии и «обтекая» их в поисках «своей сети» – модернизированных институтов политического участия и представительства, верховенства закона, подотчетного правительства, защиты собственности, независимых СМИ и судов (Фукуяма 2015: 37). Важно то, что в информационном мире это вполне возможно вне или поверх границ национальных государств.

Поскольку коммуникационные сети стали сегодня глобальными и общедоступными, их блокирование невозможно, а исключение из сети коммуникаций, которое и ранее маргинализировало пространственный социум, в социуме информационном делает утрату позиций невозполнимой, так как быстро меняющиеся технологии невозможно полноценно *заимствовать*, использовать и развивать вне соответствующей институциональной архитектуры. Суть дела, следовательно, не в полноте заимствования институтов развитых постиндустриальных обществ (или, тем более, «сдаче суверенитета» – этот концепт является очередной уловкой голема), а в понимании безальтернативности их адаптации, что определяется сменой главного социального ресурса, которым становятся массивы данных, потоки информации и адекватные технологии их обработки (Подопригора 2018с: 15).

Содержание дискурса «борьбы с коррупцией», таким образом, меняется. Признавая институциональный характер отечественной коррупции, исследователи рассматривают возможности борьбы с ней, как правило, в контексте некоей внутренней трансформации российского социума через разнообразные практики институциональной либерализации. Но суть дела заключается в том, что в Русской Системе (сословно-рентном симбиозе государства и общества) нет субъекта политической модернизации, зато уже есть влиятельные стейкхолдеры адаптации страны к институциональной среде глобального мира; в конце концов, наиболее впечатляющие успехи российского бизнеса и социума (сфера IT-технологий и телекоммуникаций, растущая прозрачность госзакупок и медленно, но неуклонно увеличивающаяся открытость и динамика политических процессов и т.д.) связаны именно с данной повесткой.

Сегодня это еще не вполне очевидный тренд, но рыночный сектор в стране неизбежно будет расти, усиливая свое влияние на политические процессы и меняя структуру социума. В последние годы стала, к примеру, заметной тенденция «исхода» из власти предпринимателей, потерявших интерес к депутатским мандатам и губернаторским креслам, что неизбежно ведет к фактическому отделению власти от бизнеса, формированию слоя профессиональных политиков, которые все больше будут ориентироваться на настроения избирателей,

потребности класса предпринимателей и социальные сети, дела коррупционные практики все более маргинальными. Другой важный стейкхолдер перемен – регионы страны, где идут сложные и противоречивые процессы, главный вектор которых – выделение, поверх прежних административных границ, новых «культурно-экономических» регионов, вписанных в глобальные рынки, как *новая федерализация*, обеспечивающая в перспективе многообразие институциональных сред в рамках глобальных стандартов («глокализация») и значительное ослабление зависимости территорий от федерального бюджета и элит авторитарного центра, что опять-таки снижает востребованность коррупции.

Такие процессы по определению не могут быть простыми. Согласно модели Ю. Пивоварова, Россия живет сейчас в стадии «закрепощения», предельно истончающего «вещественный ресурс» общества, за которым, в интересах выживания голема, должно последовать новое освобождение, а потом – новый обвал. Предпоследний раз такой обвал случился здесь в 1917-м, последний – в начале 1990-х гг. Скорее чувствуя, чем понимая это, властный голем старается всячески продлить стадию «закрепощения», экспортируя в различных форматах внутренние конфликты и активное население, «стерилизуя» посредством коррупционных практик «избыточные» ресурсы общества и реализуя собственные фобии через провозглашение доктрины самоизоляции на «острове Россия» (вводя эту метафору в начале 1990-х гг., В. Цымбурский имел в виду нечто совсем другое (Цымбурский 1993)).

Однако на деле выйти из этой дурной цикличности, предотвратить фазу обвала, можно лишь одним способом – используя неизбежно предстоящее раскрепощение общества и преодоление им «меры скудости» не для укрепления, а для ликвидации метафизического одиночества Власти, составив этому голему компанию из других субъектов, защитив их стандартным «брачным контрактом» – работающими институтами гражданского общества и правового государства и ликвидировав тем самым «перепад температур» между институциональными средами РФ и развитого постиндустриального мира, создающий здесь область повышенного давления. На это работает сегодня мощная синергия радикальных изменений внешней

среды, носящих императивный характер, а также внутренних процессов самоорганизации, идущих в российском обществе.

Задача социальной философии в рассматриваемом случае состоит не в написании рецептов «искоренения коррупции» (что, как мы убедились, невозможно вне повестки глубокой социальной трансформации, поскольку «борьба с коррупцией» является лишь «другим лицом» этого института). Следует правильнее понимать то, что мы называем на западный манер коррупцией (и что коррупцией в таком понимании не является), строить рабочие модели этого социального института, необходимые для более точных политических оценок и действий.

Важность полицейских мер в борьбе с коррупцией при этом не оспаривается (в сочетании с институциональными переменами эта символическая практика получит более адекватное содержание, нежели передел рынков и ренты), но следует помнить, что настоящая битва с российской коррупцией как тормозом развития страны идет на институциональном уровне – там, где решается, будет ли социальная среда РФ эволюционировать в сторону открытости, конкурентности, прогрессивных общественных и технологических стандартов или отступать уже не на «остров Россия», а еще дальше – в «евразийскую Атлантиду» (Цымбурский 1999), под ненадежную защиту архаики и неконкурентоспособности.

Адекватность приведенных здесь оценок и выбор главного направления изживания институциональной коррупции подтверждаются простым наблюдением практически полного отсутствия коррупции в отраслях конкурентного, рыночного сектора экономики и общественной жизни страны и ее процветания в сферах, максимально регулируемых государством. Логика развития ситуации здесь также довольно очевидна: коррупция будет отступать вследствие давления глобальных стандартов, расширения конкурентных сфер и роста влиятельности представляющих их социальных групп именно в госсектор и квазигосударственные форматы, которые превратятся в ее единственный оплот, средоточие и воплощение, что приведет к окончательной деградации этой сферы. Главная проблема общества будет, таким образом, предельно четко обозначена, что создаст все объективные предпосылки ее решения полити-

ческими средствами; альтернативой здесь видится очередное циклическое обрушение государства.

До той поры, пока голем Русской Власти не утратит своей «кормовой базы» в стагнирующей и скудеющей неконкурентной среде и не переключится, одновременно претерпевая онтологические трансформации, на более плодородную почву рыночной экономики и современных социальных стандартов, российскому обществу предстоит довольно продолжительная (поскольку здесь действуют более фундаментальные факторы, нежели одна коррупция) перспектива одновременной жизни в параллельных социокультурных мирах и технологических укладах (рыночном и классовом, квазирыночном и квазисловном, индустриальном и постиндустриальном), с сопутствующими рисками фобий и неврозов голема Русской Власти, вполне способного превратиться в какой-то момент в *зомби*.

Позитивный взгляд на вещи состоит в том, что квазисловное устройство и ментальность российского социума достаточно адаптивны и восприимчивы к социальным и технологическим инновациям и могут быть поэтому символизированы образом куколки, на треть (на четверть, на одну десятую) уже превратившейся в бабочку. Это не вполне эстетичная, но оставляющая место оптимизму метафора.

Материал поступил в редколлегию 16.11.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф., 2014 / отв. ред. В.Н. Руденко; ред. К.В. Киселев, Е.А. Степанова, В.В. Эмих; Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург : УрО РАН. 468 с.

Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф., 2016 / отв. ред. В.Н. Руденко; ред. К.В. Киселев, Е.А. Степанова, В.В. Эмих; Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург : УрО РАН. 416 с.

Аристотель. 2015. Политика. М. : Акад. проект. 318 с.

Болховский А.Л. 2010. Информационно-сетевое общество: социально-философский анализ [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филос. наук. Черкесск. 159 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/informatsionno-setevoe-obshchestvo-sotsialno-filosofskii-analiz> (дата обращения: 23.12.2017).

Гегель Г. 1974. Наука логики // Энциклопедия философских наук. М. : Мысль. Т. 1. С. 105-214.

Ершов Ю.Г. 2016. Коррупция в России: проблемы методологии исследования // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 17-31.

Золотова Т. 2018. Бумажная беда цифровой трансформации // Ведомости. 30 окт.

Ильченко М.С. 2014. Коррупция как фактор воспроизводства трансформирующейся политической системы // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. науч. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 86-93.

Кастельс М. 2004. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория. 328 с.

Киселев К.В. 2016. Государственная система противодействия коррупции: символические аспекты деятельности // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 59-71.

Кордонский С.Г. 2008. Сословная структура постсоветской России. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение». 216 с.

Костокрызов П.И. 2016. Коррупция в Латинской Америке и России: общее и особенное // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 390-400.

Краснушкина Н. 2018. Цифровизация сверху вниз // Коммерсантъ. № 189, 16 окт.

Лазарчук А., Лелик П. 1987. Голем хочет жить [Электронный ресурс], 12.06.1990. URL: <http://lazandr.lib.ru/web/books027.html> (дата обращения: 09.11.2018).

Луньков А.С. 2014. Коррупция в социальных институтах разного типа. Социально-философский анализ // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. науч. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 216-222.

Мартынов В.С. 2016. Коррупция и сословно-статусная рента в России // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 31-49.

Назаретян А.П. 2004. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М. : Мир. 367 с.

Назарчук А.В. 2008. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопр. философии. № 7. С. 61-75.

Нисневич Ю.А. 2017. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса. М. : Юрайт. 240 с.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. 1999. Русская Система и реформы // Pro et Contra. Т. 4, № 4. С. 176-198.

Подопригора А.В. 2016. Институт и инструмент. Глобальная неопределенность и социальная динамика // Социум и власть. № 6. С. 7-15.

Подопригора А.В. 2017. Интерактивное общество: понятие и генезис // Социум и власть. № 4. С. 14-23.

Подопригора А.В. 2018a. Есть ли смысл в тотальном контроле над подтекинской деревней? // Ведомости. 11 февр.

Подопригора А.В. 2018b. Левиафан и Сеть: философия власти в цифровом обществе // Социум и власть. № 2. С. 7-18.

Подопригора А.В. 2018с. Одиночество Голема. От закрепощения к обвалу: почему в России не работают планы развития и роста? [Электронный ресурс], 28.08. URL: https://www.znak.com/2018-08-28/ot_zakreporocheniya_k_obvalu_pochemu_v_rossii_ne_rabotayut_plany_razvitiya_i_rosta (дата обращения: 09.11.2018).

Скоробогачий В.В. 2002. Социокультурный анализ власти. Екатеринбург : Рос. акад. гос. службы. 288 с.

Фукуяма Ф. 2015. Государственный порядок. М. : АСТ. 688 с.

Фукуяма Ф. 2017. Угасание политического порядка. М. : АСТ. 704 с.

Цымбурский В.Л. 1993. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // ПОЛИС. Полит. исслед. № 5. С. 6-19.

Цымбурский В.Л. 1999. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // Pro et Contra. Т. 4, № 4. С. 141-175.

Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. 2011. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М. : Русский путь. 320 с.

Alexander V. Podoprighora, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Scientific Educational Center, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, and Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. E-mail: agora821@gmail.com

EVOLUTION OF HOLEM: INSTITUTE OF RUSSIAN CORRUPTION IN DIGITAL SOCIETY

Abstract. The synergetic approach, socio-cultural analysis, and systems theory consider the genesis and functions of Russian corruption as a significant social institution, its key symbolic practices and political risks, as well as the likely scenarios for the transformation and eradication of this phenomenon in the post-industrial information (digital) society.

The authors give the definition of Russian corruption (in a single complex with the struggle for its eradication) as an institution of a quasi-estate rental society that provides non-legal distribution and redistribution of a substantial part of the raw and administrative rent, as well as the seizure of social development resources for the purpose of preserving the

noncompetitive (quasi-market) social environment, which guarantees it the monopoly status, habitat, income, and renewal of the ruling class (the golem of the Russian Power as an artificial intelligence system).

It is concluded that the question of the fate of corruption in Russia today is not reduced to the intensity of the symbolic practices of its “eradication” by police methods, liberal or state modernization (both “from above” and “from below”), but to the agenda of deeper integration of the Russian Federation into the system of institutions established in the developed countries of the post-industrial world – cultural, legal, political, and ethical standards that stimulate the development of competition and social communication, technological innovations, effective ways of processing data and shackles information. At the same time, the essence of the matter lies not in the fullness of borrowing institutions of developed post-industrial societies, but in understanding that there is no alternative to adapting them, since today the adequacy of the institutional architecture of the ethos and technological platforms of the global digital network is the main factor determining the morphology, status, and prospects of a society. A powerful synergy of radical changes in the external environment, which are imperative, as well as internal processes of self-organization going on in Russian society, works on such an understanding.

Keywords: corruption; post-industrial digital society; modernization; rent; golem; information system; estate; social institution; network; self-organization.

References

- Aristotle. *Politika* [Politics], Moscow, Akad. proekt, 2015, 318 p. (in Russ.).
- Bolkhovskiy A.L. *Informatsionno-setevoe obshchestvo: sotsial'no-filosofskiy analiz : dis. ... kand. filoz. nauk* [Information network society: socio-philosophical analysis: dissertation], Cherkessk, 2010, 159 p., available at: <http://www.dissercat.com/content/informatsionno-setevoe-obshchestvo-sotsialno-filosofskii-analiz> (accessed December 23, 2017). (in Russ.).
- Castells M. *Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [Galaxy Internet: reflections on the Internet, business and society], Ekaterinburg, U-Faktoriya, 2004, 328 p. (in Russ.).
- Ershov Yu.G. *Korrupsitsiya v Rossii: problemy metodologii issledovaniya* [Corruption in Russia: problems of research methodology], Rudenko V.N. (red.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsitsii: sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 17-31. (in Russ.).
- Fukuyama F. *Gosudarstvennyy poryadok* [State order], Moscow, AST, 2015, 688 p. (in Russ.).
- Fukuyama F. *Ugasanie politicheskogo poryadka* [The Fading of the Political Order], Moscow, AST, 2017, 704 p. (in Russ.).

Hegel G. Nauka logiki [Science of Logic], *Hegel G. Entsiklopediya filosofskikh nauk*, Moscow, Mysl', 1974, vol. 1, pp. 105-214. (in Russ.).

Ilchenko M.S. *Korrupsiya kak faktor vosproizvodstva transformiruyushcheysoy politicheskoy sistemy* [Corruption as a factor of reproduction of a transforming political system], *Rudenko V.N. (red.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii : sb. nauch. tr. po itogam Vseros. nauch. konf.*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2014, pp. 86-93. (in Russ.).

Kiselev K.V. *Gosudarstvennaya sistema protivodeystviya korrupsii: simvolicheskie aspekty deyatel'nosti* [The state system of combating corruption: the symbolic aspects of the activity], *Rudenko V.N. (red.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii: sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 59-71. (in Russ.).

Kordonskiy S.G. *Soslovnaya struktura postsovetskoy Rossii* [The class structure of post-Soviet Russia], Moscow, Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2008, 216 p. (in Russ.).

Kostogryzov P.I. *Korrupsiya v Latinskoy Amerike i Rossii: obshchee i osobennoe* [Corruption in Latin America and Russia: the general and the particular], *Rudenko V.N. (red.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii: sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 390-400. (in Russ.).

Krasnushkina N. *Tsifrovizatsiya sverkhu vnz* [Digitalization from top to bottom], *Kommersant*, 2018, no. 189, Oct. 16. (in Russ.).

Lazarchuk A., Lelik P. *Golem khochet zhit' (1987)* [Golem wants to live], June 12, 1990, available at: <http://lazandr.lib.ru/web/books027.html> (accessed November 09, 2018). (in Russ.).

Lunkov A.S. *Korrupsiya v sotsial'nykh institutakh raznogo tipa. Sotsial'no-filosofskiy analiz* [Corruption in social institutions of different types. Socio-philosophical analysis], *Rudenko V.N. (red.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii : sb. nauch. tr. po itogam Vseros. nauch. konf.*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2014, pp. 216-222. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Korrupsiya i soslovno-statusnaya renta v Rossii* [Corruption and estate status rent in Russia], *Rudenko V.N. (red.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii: sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 31-49. (in Russ.).

Nazarchuk A.V. *Setevoe obshchestvo i ego filosofskoe osmyslenie* [Network Society and its philosophical understanding], *Voprosy filosofii*, 2008, no. 7, pp. 61-75. (in Russ.).

Nazaretyan A.P. *Tsivilizatsionnye krizisy v kontekste universal'noy istorii* [Civilizational crises in the context of universal history], Moscow, Mir, 2004, 367 p. (in Russ.).

Nisnevich Yu.A. *Politika i korrupsiya: korrupsiya kak faktor mirovogo politicheskogo protsessa* [Politics and corruption: corruption as a factor in the world political process], Moscow, Yurayt, 2017, 240 p. (in Russ.).

Pivovarov Yu.S., Fursov A.I. *Russkaya Sistema i reformy* [Russian System and Reforms], *Pro et Contra*, 1999, vol. 4, no. 4, pp. 176-198. (in Russ.).

Podoprigora A.V. *Est' li smysl v total'nom kontrole nad potemkinskoy derevney?* [Does it make sense in total control over the Potemkin village?], *Vedomosti*, 2018, Febr. 11. (in Russ.).

Podoprigora A.V. *Institut i instrument. Global'naya neopredelennost' i sotsial'naya dinamika* [Institute and tool. Global Uncertainty and Social Dynamics], *Sotsium i vlast'*, 2016, no. 6, pp. 7-15. (in Russ.).

Podoprigora A.V. *Interaktivnoe obshchestvo: ponyatie i genezis* [Interactive Society: Concept and Genesis], *Sotsium i vlast'*, 2017, no. 4, pp. 14-23. (in Russ.).

Podoprigora A.V. *Leviathan i Set': filosofiya vlasti v tsifrovom obshchestve* [Leviathan and the Network: A Philosophy of Power in a Digital Society], *Sotsium i vlast'*, 2018, no. 2, pp. 7-18. (in Russ.).

Podoprigora A.V. *Odinchestvo Golema. Ot zakrepushcheniya k obvalu: pochemu v Rossii ne rabotayut plany razvitiya i rosta?* [Golem loneliness. From enslavement to collapse: why development and growth plans do not work in Russia], August 28, 2018, available at: https://www.znak.com/2018-08-28/ot_zakrepushcheniya_k_obvalu_pochemu_v_rossii_ne_rabotayut_plany_razvitiya_i_rosta (accessed November 09, 2018). (in Russ.).

Rudenko V.N. (ed.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii: sb. tr. po itogam Vseros. nauch. konf.* [Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption: Sat. tr. on the basis of All-Russia. scientific conf.], Ekaterinburg, UrO RAN, 2014, 468 p. (in Russ.).

Rudenko V.N. (ed.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii: sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf.* [Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption: Sat. tr. on the basis of All-Russia. scientific conf.], Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, 416 p. (in Russ.).

Skorobogatskiy V.V. *Sotsiokul'turnyy analiz vlasti* [Sociocultural analysis of power], Ekaterinburg, Rossiyskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby, 2002, 288 p. (in Russ.).

Tsyburskiy V.L. *Geopolitika dlya «evraziyskoy Atlantidy»* [Geopolitics for the "urasian Atlantis"], *Pro et Contra*, 1999, vol. 4, no. 4, pp. 141-175. (in Russ.).

Tsyburskiy V.L. *Ostrov Rossiya. Perspektivy rossiyskoy geopolitiki* [Island Russia. Prospects for Russian geopolitics], *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, 1993, no. 5, pp. 6-19. (in Russ.).

Yakovenko I.G., Muzykantskiy A.I. *Manikheystvo i gnostitsizm: kul'turnye kody russkoy tsivilizatsii* [Manichaeism and Gnosticism: the cultural codes of Russian civilization], Moscow, Russkiy put', 2011, 320 p. (in Russ.).

Zolotova T. *Bumazhnaya beda tsifrovoy transformatsii* [The paper trouble of the digital transformation], *Vedomosti*, 2018, Oct. 30. (in Russ.).